

ЗАБЫТЫЕ ГЕРОИ ВОЙНЫ

XX военные
тайны
века

О.С. СМЫСЛОВ

Военные тайны XX века

Олег Смыслов

Забывтые герои войны

«ВЕЧЕ»

2015

УДК 93/94
ББК -8/63.3

Смыслов О. С.

Забытые герои войны / О. С. Смыслов — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Военные тайны XX века)

ISBN 978-5-4444-2527-5

Книга Олега Смылова рассказывает о малоизвестных страницах Великой Отечественной войны, о людях и событиях нашей истории. Среди героев этой книги генералы и офицеры, солдаты и моряки – все те, кто приближал победу в войне. Автор не обошел своим вниманием и трагические послевоенные будни инвалидов войны.

УДК 93/94
ББК -8/63.3

ISBN 978-5-4444-2527-5

© Смыслов О. С., 2015
© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

От автора	6
Витязь Брестской крепости	7
Поиск героя	7
22 июня 1941 года	9
О том, что было до...	14
Девять дней июня с той стороны	17
«До последней капли крови»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Олег Смыслов
Забытые герои войны.
Малоизвестные страницы истории

© Смыслов О. С., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

* * *

От автора

В древнегреческом слово «герой» означает буквально – «доблестный муж, предводитель». Но мы и сами знаем, что герой – это человек исключительной смелости и доблести, совершивший подвиг (выдающийся, героический поступок). Ведь не зря говорят в народе, что в жизни всегда есть место подвигу. Например, в толковом словаре Ушакова слово «подвиг» трактуется как «доблестный, героический поступок, важное по своему значению действие, совершенное в трудных условиях». Поэтому обычно цена подвигу – человеческая жизнь, ибо главное отличие героя от бога в том, что он смертен.

За подвиги в годы Великой Отечественной войны звания Героя Советского Союза были удостоены свыше 11 тысяч человек (часть из них – посмертно). Но кроме этих людей были еще сотни тысяч других героев, оставшихся для нас неизвестными.

Эта книга о героях известных и неизвестных, о Героях Советского Союза и не ставших таковыми по целому ряду причин. Однако всех их объединяет одно: бесстрашием, мужеством и волей они совершили победу над привычными для обывателя страхом и слабостью.

Говорят, что попытка сделать героя бессмертным – устойчивый мифологический сюжет. Что ж, в этом действительно есть истина. Но нельзя забывать и о том, что эти люди совершили свои героические поступки в годы войны, когда стоял вопрос, быть или не быть великому государству и великому народу (территория СССР была территорией исторического государства Российского). Ведь это «было НАШЕСТВИЕ, какого Россия не знала со времен зачатия своего, – напишет в канун очередного юбилея Победы русский писатель Борис Васильев. – По сравнению с ним татаро-монгольское вторжение оказалось всего лишь набегом. Татары не трогали церквей и монастырей...» И пока мы их помним, они действительно остаются в нашей памяти живыми...

В стихотворении, написанном в 1960 году поэтессой Ольгой Берггольц, была рождена поистине знаменитая фраза: «Никто не забыт, ничто не забыто». Впервые ее официально употребили на мемориальной стеле Пискаревского кладбища, где похоронены жертвы Ленинградской блокады. Но в дальнейшем эта риторическая формула-лозунг получила широкую популярность и стала употребляться применительно к подвигу солдат Великой Отечественной войны. Еще какие-то два с лишним десятка лет назад эти слова являлись для нас незыблемым нравственным законом и даже неким мерилom человеческого бытия. Но за это время многое в нашей жизни изменилось. Изменились и ценности. Одним из таких показателей может служить мемориальный комплекс «Брестская крепость». До развала Советского Союза крепость ежегодно посещали более миллиона гостей из самых разных стран. В середине 90-х таких посещений едва набиралось 40 тысяч в год, а сегодня – не более 150 тысяч. А значит, нам нужно делать что-то сейчас, сегодня, чтобы герои и подвиги Великой Отечественной войны никогда не были забытыми.

Витязь Брестской крепости

Поиск героя

В годы войны в руки советского писателя С. С. Смирнова совершенно случайно попала копия донесения штаба немецкой 45-й дивизии, захваченного весной 42-го в районе Орла. В документе говорилось об обороне Брестской крепости, в одном из укреплений которой советские бойцы и командиры оказали врагу беспримерное героическое сопротивление. Руководителем обороны там значился неизвестный майор. В том же донесении было указано: «Майора и комиссара не нашли. Говорят, они застрелились».

Летом 1954 года Сергей Сергеевич впервые отправился в Брест и, сличив с местностью данные документа противника, сумел найти тот самый «Восточный форт» (земляное укрепление – восточную «подкову»), где шла исключительно упорная борьба под руководством неизвестного командира.

Во вторую поездку в Брест, в феврале 1955-го, Смирнову удалось разыскать одного из защитников «подковообразного земляного укрепления» – командира взвода, лейтенанта Якова Ивановича Коломийца. Он-то и рассказал много интересного об обороне «Восточного форта», которая была, вне всяких сомнений, результатом энергичных действий майора. По словам Коломийца, «это был необычайно волевой человек, прекрасный организатор, испытанный боевой командир, который показывал бойцам пример бесстрашия и мужества и был подлинной душой всей этой обороны, стойко отражавшей натиск фашистов в течение многих дней».

Вот только фамилию майора-героя Коломиец долго вспомнить не мог. Зато ее смог назвать заместитель командира 44-го стрелкового полка по политической части Н. Р. Артамонов: майор Гаврилов, командир 44-го стрелкового полка. При этом, по версии Артамонова, майор Гаврилов погиб в первые минуты войны вместе со своей семьей от попадания авиабомбы в дом командного состава. По версии же Коломийца, майор Гаврилов застрелился, чтобы не попасть в плен.

Но вскоре Смирнов сумел найти еще одного ценного свидетеля. Им оказался военный врач Н. И. Воронович, который лечил раненых. Именно Воронович очень точно запомнил, как 23 июля 1941 года немцы привезли в лагерьный госпиталь только что захваченного в крепости майора. Правда, сначала он, как и Коломиец, долго не мог вспомнить фамилии героя. Но, ознакомившись со списком писателя, подтвердил. Фамилия майора была Гаврилов.

Собрав для дальнейшего поиска все необходимые данные, С. С. Смирнов обратился с ними в Главное управление кадров Советской армии. А уже там писатель узнал: майор Гаврилов Петр Михайлович, командир 44-го стрелкового полка, плененный в районе города Бреста 23 июля 1941 года и освобожденный из плена в мае 1945 года, состоит на учете в Красногвардейском райвоенкомате города Краснодара.

Сергей Сергеевич делает последнее усилие. Он обращается за помощью к одному из участников обороны крепости А. П. Бессонову, работающему в тот момент токарем-шлифовальщиком завода «Краснодарнефть», и просит его зайти в Красногвардейский райвоенкомат Краснодара...

В военкомате Бессонов кратко объяснил суть своего дела. Ответ не мог не порадовать бывшего подчиненного командира 44-го полка: майор Гаврилов действительно состоит на учете в Красногвардейском военкомате. А когда один из офицеров открыл личное дело Гаврилова, где была аккуратно вставлена фотокарточка Петра Михайловича, Бессонов точно убедился, что это он. Записав адрес, бывший солдат решил отправиться к командиру утром.

И вот на следующий день, позавтракав после беспокойной ночи, Анатолий Петрович отправился по указанному адресу. Постояв некоторое время перед дверью, не без волнения постучал. А когда дверь открылась и вышел сам командир полка, вытянулся и непроизвольно доложил:

– Бывший боец 44-го стрелкового полка, которым командовал майор Гаврилов, – перед вами!

После этих слов возникла пауза. На глазах Гаврилова выступили слезы. Его лицо нервно задрожало. Затряслись руки...

22 июня 1941 года

Петр Михайлович Гаврилов в стенах Брестской крепости в тот роковой день оказался случайно. Можно сказать, что так распорядилась сама судьба. А как иначе?

«В субботний вечер 21 июня, – вспомнит командир 44-го полка, – я приехал провести больную жену и сынишку. Но провести с ними воскресный день мне уже не было суждено. На рассвете дрогнула земля, и мы проснулись от невообразимого шума и грохота: это рвались вражеские снаряды и авиабомбы.

Прощавшись с семьей и наказав им укрыться где-нибудь в подвале, я кинулся в штаб, где хранились знамя полка и секретные документы. Однако войти туда не удалось, все здание, находившееся в самом центре крепости, было объято пламенем».

...Проект крепости на Буге, разработанный военными инженерами Опперманом, Малецким и Фельдманом, был утвержден в 1833 г. Однако впервые предложение о строительстве оборонительных укреплений у слияния рек Буга и Мухавца возникло задолго до Отечественной войны 1812 г. А в ходе нее подтвердилась и целесообразность строительства крепости. Она была торжественно заложена 1 июня 1836 г., а построена в 1842 г., то есть через шесть лет.

Брестская крепость имела площадь около 4 квадратных километров. Ее мощную основу составила Цитадель, расположенная на острове, омываемом с юго-запада Бугом, с юго-востока – Мухавцом, а с севера – его рукавом. Опоясанная сплошной кирпичной казармой и в то же время оборонительной стеной длиной в 1800 метров, крепость насчитывала 500 казематов с подвалами и сетью подземных ходов и была способна разместить до 12 тысяч человек своего гарнизона, защищенных двухметровыми стенами.

Русла двух рек прикрывали Цитадель рвами, заполненными водой. Но основой ее прикрытия стал земляной оборонительный вал, тянувшийся более чем на шесть километров, высотой в десять метров по внешней окружности. Кольцо бастионов и других крепостных сооружений прикрывало крепость с внешней стороны. Брестские и Холмские ворота туннелями выводили из цитадели к мостам через Мухавец и далее на бастионы крепости, а Тереспольские находились против моста через основное русло Буга. Всего же к предмостным укреплениям вели четверо ворот.

В 1864 г. крепость усиливают, а в 1878 г. вокруг нее сооружается оборонительный пояс с 9 фортами в нескольких километрах от кольца бастионов. Форты (отдельные железобетонные сооружения) должны были не просто сдерживать противника, но и не допускать ведения по крепости артиллерийского огня.

В самой крепости находились: Белый дворец, Комендантский дом, крепостная церковь, арсенал и Инженерное управление.

На рубеже XIX–XX веков Брест стал крепостью первого класса и главным форпостом России на западной границе.

В конце августа 1915 г. при отступлении русской армии Брестская крепость была оставлена без боя, а ее некоторые оборонительные сооружения взорваны. В том числе и большинство фортов.

В период Гражданской войны и в начале Второй мировой войны отдельные участки крепости также подвергались разрушению. Частично пострадали здания Белого дворца и Инженерного управления. С 1920 по 1939 г. в крепости размещались войска польской армии. При них-то и были значительно восстановлены казарменный фонд крепости и часть фортов.

Более того, они построили дополнительно несколько казарм для солдат и жилые дома для офицеров.

Когда Красная армия вошла в Западную Белоруссию, Брестская крепость, по сути, перестала быть крепостью. Более или менее поддерживались казармы, все служебные и жилые

помещения, склады и арсенал. «Это привело к тому, – пишет Борис Васильев, – что земляные валы крепости осели, заросли деревьями и кустарниками, многие рвы обмелели и заболотились. Никаких оборонительных сооружений в ней уже не строилось».

Генерал-полковник Л. М. Сандалов вспоминал: «Осмотр крепости оставил у нас не очень отрадное впечатление. Кольцевая стена цитадели и наружный крепостной вал, опоясанный водными преградами, в случае войны создавали для размещавшихся там войск чрезвычайно опасное положение. Ведь на оборону самой крепости по окружному плану предназначался лишь один стрелковый батальон с дивизионом. Остальной гарнизон должен был быстро покинуть крепость и занять подготавливаемые позиции вдоль границы в полосе армии. Но пропускная способность крепостных ворот была слишком мала. Чтобы вывести из крепости находившиеся там войска и учреждения, требовалось по меньшей мере три часа...» Тем не менее к началу войны в Бресте скопилось огромное количество войск, не считая госпиталя. Вследствие чего для размещения личного состава была приспособлена часть складских помещений, а также восстановлены некоторые форты крепости. На нижних этажах казарм даже устраивались нары в четыре яруса, что достаточно четко подчеркивает плотность размещения.

По подсчетам историка Р. Алиева, в ночь на воскресенье, с 21 на 22 июня 1941 года, на территории Брестской крепости находилось около 9 тыс. советских бойцов и командиров. В том числе 1100 несли службу в составе дежурных подразделений. Например, на территории Южного острова находилось около 180 вооруженных бойцов; на Западном острове – 300 пограничников, из которых только половина находилась в состоянии боевой готовности; на Центральном острове – 5000 бойцов и командиров, в том числе 720 были вооружены; на Северном острове – 3400 человек, в том числе около 300 из них в составе дежурных подразделений.

Общее же количество советских войск в Бресте, в его окрестностях и в крепости насчитывало более 32 тыс. человек. Это части и подразделения 6-й и 42-й стрелковых дивизий 4-й армии, 22-я танковая дивизия, 132-й конвойный батальон НКВД, 17-й пограничный отряд и отдельные батальоны.

От полного их разгрома в первые дни войны спасло лишь то обстоятельство, что более половины войск было выведено из города на учебный полигон до 22 июня...

Брестская крепость. 1941 г.

В мемориальном комплексе «Брестская крепость-герой» хранится один весьма ценный экспонат. Это обгоревший будильник, стрелки которого остановились от взрыва на 3 часах 55 минутах. Он самый ценный источник начала войны, буквально доказывающий, что фашисты напали на Советский Союз раньше 4 часов. Ибо первые выстрелы на берегу Западного Буга раздались на 30 минут раньше.

Накануне, «21 июня в Брестской крепости были пойманы переодетые в красноармейскую форму диверсанты. Позже оказалось: в крепость проникло большое число диверсантов. В ночь на 22 июня они резали электрические провода, занимали выгодные позиции для стрельбы...»

«22 июня под утро я поднялась покормить годовалую девочку. Тронула выключатель – лампочка не зажглась. Я прилегла – и вдруг гром, свет, рама упала на пол... Муж, схватив портупею с наганом, успел только поцеловать меня и сказать: «В подвал! Детей держи возле себя. Война...» Больше я его не увидела...» – этот маленький эпизод первой минуты войны В. Песков записал со слов Лидии Михайловны Крупиной, приехавшей из Магадана «навещать места 41-го года».

Примерно так было и с майором Гавриловым... Он оставил семью с первыми взрывами снарядов, успев лишь сказать жене: «Одевай Колю и уходите в убежище!»

«Уже в первые минуты после этого неожиданного разбойничьего нападения гитлеровской Германии многие бойцы были ранены и убиты, – свидетельствует Петр Михайлович. – В предрассветной полутьме, среди густой пелены дыма и пыли я с трудом собрал человек двадцать из своих подразделений и бросился с ними к северной части крепости. Здесь у Северных ворот, которые вели на окраину Бреста, должен был сосредоточиться при боевой тревоге полк, которым я командовал. Но крепость уже была окружена гитлеровскими войсками и отрезана от города.

Вражеские стрелки и автоматчики, залегшие на валу у Северных ворот, вели непрерывный огонь. Нужно было принимать срочные меры, чтобы не допустить их в крепость. В это время мне донесли, что на левой стороне от Северных ворот, там, где располагался 1-й батальон моего полка, в укрытиях находится много бойцов из разных частей. Большинство из них, выбегая из объятых огнем зданий, все же сумели захватить с собой оружие и боеприпасы. Среди солдат находились и два лейтенанта. Я немедленно решил взять на себя командование этим отрядом. Разбил бойцов на две роты, назначил лейтенантов Разина (лейтенант Н. А. Разин – командир минометного взвода 44-го стрелкового полка. Ныне живет и работает в г. Москве. Награжден орденом Отечественной войны I степени, член КПСС) и Яковлева (младший лейтенант М. М. Яковлев – командир саперного взвода 44-го стрелкового полка) командирами, отвел районы обороны и определил секторы обстрела. К этому времени, а оно буквально исчислялось минутами, в Западном форту, в укрытиях также сосредоточилось больше сотни бойцов. Находящемуся с ними старшему лейтенанту Сергееву я приказал разбить бойцов на взводы и держать оборону.

На Восточном валу, еще до моего прихода туда, оборону организовал старший лейтенант Самойлов (младший лейтенант А. Е. Самойлов – заместитель командира пулеметной роты 44-го стрелкового полка). Его бойцы притащили станковый пулемет. Не один десяток гитлеровцев нашел могилу от огня этого пулемета. Я избрал себе командно-наблюдательный пункт в 150 метрах восточнее Северных ворот. Встретив там капитана Касаткина, назначил его начальником штаба.

Около полудня ко мне подбежал боец и сообщил, что в Восточном форту скопилось много людей, они ждут распоряжений. Я и капитан Касаткин направились в подковообразное укрепление, где действительно увидели около трехсот человек.

Находившиеся с ними лейтенанты Домиенко и Коломиец уже успели подготовить укрепление к обороне. На весьма удачно выбранной позиции была установлена счетверенная зенитная пулеметная установка, имевшая почти круговой обстрел. В метрах полутора от Восточного форта находилось два зенитных орудия, которыми командовал старший лейтенант Шрамко. В ста метрах западнее – две противотанковые пушки, которыми командовал незнакомый мне молодой лейтенант.

Взяв и эту группу под свое руководство, я разбил силы, находившиеся в Восточном форту, на три роты – правого, левого и центрального крыла, двумя из них командовали лейтенанты Марков и Бородич. Вторым кольцом подковообразного укрепления, где находилась счетверенная зенитная пулеметная установка, командовал лейтенант Коломиец.

Здесь же, в подземных укрытиях Восточного форта, мы разместили свой штаб, оставив, однако, один наблюдательный пункт на Северном валу и второй – на другом конце Восточного форта. Воспользовавшись телефонными аппаратами и кабелями, имевшимися у зенитчиков, Касаткин быстро установил помимо живой телефонную связь со всеми ротами. При штабе имела рация, с помощью которой мы тщетно пытались установить связь с командованием, с внешним миром... Рация пригодилась нам лишь для приема последних известий и сводок о ходе боев. Тут же, в форту, в укрытии был организован и свой «лазарет» – перевязочный пункт,

который возглавляла военфельдшер Раиса Абакумова. Начальником продовольственно-хозяйственного и артиллерийского снабжения я назначил лейтенанта Домиенко, а своим заместителем по политчасти – политрука Скрипника.

Важность наших позиций понимал каждый боец. Когда прошли первые минуты неизбежного в подобных условиях замешательства, люди стали уверенно ждать встречи с врагом. Отряд представлял собой силу, которую очень скоро в полной мере испытали на себе вооруженные до зубов наступавшие немецко-фашистские части.

Едва мы успели сколотить подразделения, как противник предпринял новую серьезную атаку. Она была отбита с большим для него уроном. В полдень фашисты атаковали нас вторично, на этот раз при поддержке танков. Надо иметь в виду, что крепость со всех сторон окружена водными каналами. В нашем районе проход в нее был возможен только через Северные ворота. Сюда и пытались ворваться танки противника.

В неравный поединок с вражескими бронированными машинами вступила группа бойцов во главе с молодым лейтенантом-артиллеристом. Огонь находившегося в укрытии орудия, которым он командовал, не смог преградить путь немецким танкам. Они вырвались к валу и пошли на нас. Тогда лейтенант приказал выкатить орудие на открытую позицию и повел стрельбу прямой наводкой. Уже завертелся на месте один танк, задымил второй... В это время лейтенанта тяжело ранило. Его гимнастерка быстро обагрилась кровью. Но уползти, уйти в укрытие значило дать танкам прорваться. И он вместе с еще одним уцелевшим бойцом остался у орудия. Когда была подбита третья вражеская машина, а остальные повернули обратно, мы увидели, как этот бесстрашный человек упал на землю...

В то время я еще не потерял надежды на соединение со своими войсками и потому приказал начальнику штаба составить приказ о посмертном представлении к званию Героя Советского Союза этого отважного лейтенанта. Все документы тех дней, конечно, погибли, и я сейчас жалею, что не запомнил фамилии лейтенанта-героя.

Уже в первый день нашей обороны, прошедший в непрестанной борьбе, сказались отличная выучка наших солдат и офицеров, их высокий моральный дух. Приходилось не только отражать непрерывные атаки, но и ликвидировать группы противника, то и дело прорывавшиеся в разных местах Кобринского укрепления. В середине дня гитлеровцам, вклинившимся в наше расположение, удалось организовать в северо-западном углу вала свой командно-наблюдательный пункт. Лейтенанту-пограничнику (как пишет участник обороны младший лейтенант Н. Г. Старков, фамилия этого пограничника Ануфриев) с шестью бойцами было приказано уничтожить вражеский командный пункт. Искусно маскируясь, они проползли по-пластунски метров 400 и внезапным штыковым ударом уничтожили группу засевших там гитлеровцев, захватив вместе с их оружием и планшетами несколько ценных штабных документов».

Сегодня нам трудно себе даже представить, что творилось в Брестской крепости в то утро 22 июня 1941 года. Этот день обещал быть ярким и безоблачным. Уже шла война в Бресте, а в Минске еще медленно всходило солнце. С тихих и уютных городских двориков доносился сладковатый запах жасмина. Легкий утренний ветер шелестел листвой деревьев. Улицы и скверы радовали обывателя океаном цветов. Столица СССР Москва передавала веселые песни, затем – урок утренней гимнастики и передовую статью газеты «Правда».

С утра в почтовых ящиках домов и квартир горожан лежали свежие газеты...

Абсолютно безмятежно отдыхала Москва. Нарком ВМФ адмирал Кузнецов напишет по памяти: «Как всегда в выходные дни, в центре было малоллюдно, редкие прохожие выглядели празднично. Лишь проносились отдельные машины, пугая пешеходов тревожными гудками. Столица еще не знала, что на границах полыхает пожар войны и передовые части ведут тяжелые бои».

Может быть, именно в эти самые минуты на глазах майора Гаврилова смертельно раненный боец М. Яковлев своей кровью писал на стене слова: «Умираю за родину».

О том, что было до...

Петр Михайлович Гаврилов родился 17 (30) июня 1900 года в селе Альведино Пестречинского района Татарской Советской Социалистической Республики в семье казанских татар-крестьян, предки которых при Иване Грозном были обращены в православие. Причем, приняв вместе с верой русские имена и фамилии, они все-таки сохранили многие обычаи, а главное – родной язык. До революции Альведино (Альвидино) значилось как два села: крещеное и русское, так как население первого составляли крещеные татары (кряшены), а второго – русские.

В начале века в Альведино проживало около 700 человек. В селе действовали церковно-приходская школа, два хлебозапасных магазина и три мелочные лавки.

Отец Гаврилова умер в год его рождения, поэтому жизнь его была тяжелой, голодной и проходила в нищете. Подростком он батрачил на баев, а в 15 лет пешком ушел в Казань, где сначала устроился в пекарню, а затем чернорабочим на Алафузовскую фабрику. В 17 лет Петр вступает в отряд Красной гвардии, прочно, по убеждению приняв новую советскую власть. В 1918-м он записывается в 1-й Мусульманский полк, навсегда связав свою жизнь со службой в армии. В Гражданской войне Гаврилов участвует в боях против войск Колчака и Деникина. В дальнейшем служба молодого красного командира, выдвинутого из самой гущи народа, происходит на Северном Кавказе в борьбе с бандитизмом.

В 1922 году Гаврилов вступает в партию, женится на Екатерине Григорьевне и усыновляет мальчика Колю. Осенью 25-го он оканчивает Владикавказскую пехотную школу, а в 39-м – Военную академию имени Фрунзе. Теперь он майор, командир 44-го стрелкового полка 42-й мотострелковой дивизии, которая формируется в Ленинградском военном округе 17 января 1940 г. из отдельных стрелковых подразделений и строительных батальонов Карельского укрепленного района. Уже в феврале она участвует в боях на советско-финском фронте в составе 34-го стрелкового корпуса, после чего ее выводят в резерв. В июне соединение переводят в Эстонию. В июле – в Западный особый военный округ. Весной 41-го – в район Бреста. Так Петр Михайлович Гаврилов оказался рядом с Брестской крепостью, незадолго до 22 июня 1941 года.

К началу войны части 42-й стрелковой дивизии (соединение насчитывало около 8 тысяч человек вместо штатной численности 14 500) были рассредоточены в самых разных местах Брестского района прикрытия № 4. Например, 459-й стрелковый полк, 472-й артполк, 4-й артдивизион и 3-й медсанбат находились в районе Жабинки. Остальные части и подразделения базировались в Брестской крепости и ее окрестностях.

Забегая вперед, необходимо отметить следующее. После начала войны к местам сбора 42-й дивизии ее личный состав прорывался разрозненными группами и с большими потерями. Например, 393-й зенитно-артиллерийский дивизион вышел из крепости всего с тремя орудиями без снарядов. В район Жабинки организованно вышли только два батальона 44-го и 455-го полков, мотострелковая рота 84-го разведывательного батальона и 7 бронемашин. Остальные из тех бойцов и командиров, кто остался жив, вошли в состав сводных групп, занявших оборону в крепости, или присоединились к отряду бойцов и командиров (3000 чел.) 28-го стрелкового корпуса, который дрался с врагом вместе с танкистами 22-й танковой дивизии под Жабенкой. Части, находившиеся восточнее Бреста (459-й полк и 472-й артполк), занимали оборону на рубеже Жабинка – Хведковичи.

К слову сказать, судьбы многих командиров соединений 4-й армии тогда сложились трагически. Так, командир 22-й танковой дивизии генерал-майор В. П. Пуганов погиб в бою 24 июня 1941 года. Командир 6-й стрелковой дивизии полковник М. А. Попсуй-Шапко был расстрелян 31 июля все того же 41-го. Его обвинили в предательстве за то, что не смог удержать Брест. Не обошли стороной обвинения в предательстве и командира (майора Гаврилова) 42-й

стрелковой дивизии генерал-майора И. С. Лазаренко. 17 сентября 41-го Военная коллегия Верховного суда СССР установила: «Лазаренко, будучи командиром дивизии, имея данные, свидетельствовавшие об активной подготовке противника к военным действиям, проявил беспечность, не держал войска в состоянии боевой готовности... В первый же момент нападения... Лазаренко проявил растерянность и бездействие... Вместо решительных мер к организации отпора врагу самовольно выехал в штаб корпуса... оставив части дивизии без надлежащего руководства».

Сначала его приговорили к расстрелу, затем помиловали, а казнь заменили 10 годами условно. Только в октябре 1942 г. полковник Лазаренко снова отправился на фронт, где вернул себе генеральское звание и стал Героем Советского Союза. В конце июня 44-го в ходе Могилевской операции Иван Сидорович Лазаренко погиб от прямого попадания снаряда в машину.

Но это будет потом... А пока командир полка майор Гаврилов целыми днями буквально живет со своими бойцами и командирами. Подчиненные его называли «въедливым» начальником, потому что он вникал во все мелочи быта. Вникал дотошно, настойчиво, придирчиво. Он готовил их к войне безжалостно, предчувствуя ее приближение. Личный боевой опыт двух войн, строевой опыт и два военных образования, в том числе высшее, давали ему на это полное право. Знающие Гаврилова командиры считали его грамотным, требовательным, трудолюбивым, заботливым и пунктуальным. Говорят, он был лучшим в своей 42-й стрелковой дивизии. Например, офицер запаса И. Гомозов так охарактеризовал Петра Михайловича в своем письме писателю Смирнову:

«Ночью он часто сидит читает книги о Суворове, рано утром он уже следит за подъемом то одного, то другого подразделения, днем проводит занятия с комсоставом полка, часто цитирует суворовские изречения, требует от личного состава глубоких знаний, больше занятий в поле.

Все знали, что от глаза Гаврилова ничего не ускользнет. Если что-то неладно идет в каком-либо подразделении, Гаврилов тут как тут, и все он видит, и все знает. К концу дня часто можно было видеть Гаврилова угрюмым и задумчивым. Это он был недоволен прошедшим днем. Часто можно было слышать от него выражения недовольства, что, мол, мало сделано за день, не с полной целеустремленностью проведены занятия, и так далее. Гаврилову хотелось быстрее подготовить свои подразделения к будущим боям. Он торопился...»

Известный предатель, бывший генерал Власов был младше Гаврилова всего лишь на год. В Красную армию вступил в 1920-м. Академий не заканчивал. Полком стал командовать в 1938-м. А дальше стремительный взлет, о каком майор Гаврилов и мечтать не мог. Командир дивизии, корпуса, командующий армией, заместитель командующего фронтом. Правда, потом плен и измена. Карьера же Петра Михайловича остановилась 22 июня 1941 года. А дальше был подвиг в Брестской крепости и в немецкой неволе. Майор Гаврилов прошел все с честью. Генерал Власов свою честь продал врагу. И вот здесь следовало бы задуматься: а почему так произошло? В чем разница этих двух военных судеб?

А, наверное, в том, что один служил Отечеству верой и правдой, а другой в этом Отечестве делал карьеру. Так все и было, если внимательно проанализировать две жизни и две биографии. Гаврилов оказался мужественным и профессиональным командиром полка, а Власов – трусливым и слабохарактерным генералом, занимающим чужое место. О подвиге Гаврилова узнали случайно, но прошли годы, прежде чем советский народ услышал об этом витязе Брестской крепости. Образ же Власова как лучшего военачальника Сталина, создававшийся непонятно кем и для чего, рухнул в одночасье.

Если кто-то думает, что сегодня происходит все иначе, то глубоко заблуждается. Власовых на сегодняшний день в России хватает. Но живет ли где-нибудь на ее окраинах очередной Гаврилов, сказать сложно. Об этом мы обязательно узнаем со временем.

Накануне войны майор Гаврилов не раз в своих беседах с бойцами и командирами открыто говорил, что война вот-вот начнется, так как Гитлеру ничего не стоит нарушить пакт о ненападении. Кто-то из любителей писать доносы на этот раз написал заявление в дивизионную партийную комиссию. Петра Михайловича обвинили в распространении тревожных слухов среди подчиненных. Ему грозило вполне серьезное партийное взыскание. Слушание персонального дела коммуниста Гаврилова было назначено на 27 июня 1941 года. Но гораздо раньше началась война...

Девять дней июня с той стороны

Генерал-полковник танковых войск Гейнц Гудериан в своих мемуарах точно воспроизводит время начала войны. В 3 часа 15 минут началась артиллерийская подготовка. В 3 часа 40 минут – первый налет пикирующих бомбардировщиков. В 4 часа 15 минут началась переправа через Буг передовых частей 2 немецких танковых дивизий. В 4 часа 45 минут первые немецкие танки форсировали реку.

Через четыре минуты после начала артподготовки штурмовой отряд немцев в составе пехотной роты и саперов на 9 резиновых моторных лодках приступил к выполнению поставленной задачи по захвату мостов. А еще через 11 минут вторая пехотная рота противника с саперами взяла железнодорожный мост через Буг. Всего же немцам понадобилось 45 минут, чтобы с огромными потерями захватить два моста, соединяющие Западный (Пограничный) и Южный (Госпитальный) острова с центральной частью Брестской крепости – Цитаделью. На взятие же крепости военачальники Гитлера планировали не более восьми часов, но неожиданное ожесточенное сопротивление и огромные потери сорвали эти планы.

В течение дня 22 июня германская 45-я пехотная дивизия при штурме крепости потеряла лишь убитыми более 300 человек. Эти потери для нее оказались небывалыми.

В районе Трехарочных ворот оборону возглавил капитан Зубарев, в северной и северо-восточной частях Цитадели – лейтенант Виноградов; у Тереспольских ворот – старший лейтенант Потапов, на Кобринском укреплении – майор Гаврилов.

Командир 45-й пехотной дивизии вермахта генерал-майор Фриц Шлипер только 8 июля 1941 года подпишет боевой отчет о взятии Бреста. День 22 июня в этом документе выглядит так:

«Первоначально ошеломление русских артиллерией и огнем метательных аппаратов и очень энергично осуществляемым нападением пехоты дало в итоге следующие успехи:

1) Железнодорожный мост через р. Буг был взят в результате смелой вылазки, взрывчатка удалена и мост вместе с другим мостом меньшего размера обезопасены. Переход войск по железнодорожному мосту стал возможен.

2) Наступление 130-го пехотного полка южнее крепости и города Брест-Литовска привело к тому, что до обеда были заняты неповрежденными важные для прохода первой танковой колонны мосты через р. Мухавец юго-западнее и юго-восточнее города; штурмовые лодки 81-го саперного батальона, которые поднялись вверх по течению р. Мухавец, сыграли значительную роль при взятии мостов. Мосты удерживались против русских контрударов, в которых использовались танки, при этом 12 русских танков было уничтожено усиленным 130-м пехотным полком.

3) Мост через р. Буг на южной окраине крепости был быстро наведен; кроме того, 81-й саперный батальон под огнем противника построил 8-тонный временный мост на северной окраине крепости.

Однако очень скоро (около 5.30–7.30) стало ясно, что позади наших прорвавшихся вперед рот русские сформировались и начали очень упорно и стойко защищаться как стрелковым оружием, так и с использованием находящихся в крепости 35–40 танков и бронированных разведывательных машин; при этом выяснилось, что они хорошо обучены снайперскому мастерству в стрельбе с деревьев, с крыш и из подвалов и, достигая при этом большой скорострельности, вскоре причинили нам большие потери в офицерах и унтер-офицерах. Страх быть расстрелянным при взятии в плен – как комиссары учили солдат – вероятно, очень способствовал решению защищаться до последнего.

В ранние предобеденные часы стало ясно, что артиллерийская поддержка ближних боев в крепости невозможна, так как наша пехота тесно переплелась с русской и наши боевые порядки

в сплетении построек, кустов, деревьев, развалин частью невозможно определить, а частью они даже отрезаны или окружены русскими очагами сопротивления. Многократные попытки действовать отдельными орудиями, танками и легкими гаубицами стрельбой прямой наводкой не удавались из-за недостаточного обзора и из-за угрозы поразить своих солдат и, кроме того, из-за большой толщины стен крепости.

Также ничего не смогла сделать и проходившая после обеда мимо крепости батарея «штурмовых орудий», которую командир 133-го пехотного полка по собственной инициативе подчинил себе. Также и введение в бой новых сил 133-го пехотного полка (до этого резерв корпуса) на Южном и на Западном островах начиная с 13.15 не принесло изменения ситуации: там, где русские изгонялись, выкуривались из подвалов, домов, канализации и других закоулков, появлялись новые и стреляли превосходно, так что наши потери увеличивались.

Для уничтожения русских танков, которые могли прорваться из крепости в сторону города, и для зачистки города севернее Северного острова в сторону ж/д станции (северо-западнее города Брест-Литовска) был выведен 45-й истребительно-противотанковый дивизион (без одной роты – она была придана 130-му пехотному полку), где дивизион многократно имел возможность поражать русские танки.

Около 13.50 командир дивизии, находившийся в 135-м пехотном полку (Северный остров), лично убедился в том, что ближним (рукопашным) боем крепость не взять, и решил около 14.30 отвести свои войска с тем, чтобы крепость была окружена со всех сторон и затем (ориентировочно после ночного отступления, начиная с раннего утра 23.6) провести тщательно пристрелянный и наблюдаемый разрушительный огонь, который должен изнурить и уничтожить русских. Это решение было в 18.30 вполне определенно одобрено главнокомандующим 4-й армией. Он не хотел ненужных потерь, т. к. движение немецких войск по шоссе и железной дороге уже сейчас стало возможным; воздействие на них противника допускать было нельзя, а в остальном русских следовало выморить голодом.

Вечером 22.6 были отданы приказы на выход из крепости и ее окружение 133-м пехотным полком с 1-м дивизионом 98-го артиллерийского полка (город Брест) и 2-м дивизионом 98-го артиллерийского полка с запада, юга и востока, и 135-м пехотным полком с 3-м дивизионом 98-го артиллерийского полка с севера, в основном на внешнем валу.

Для ведения поражающего огня упомянутый выше 854-й частично моторизованный дивизион 21-см мортир (12 орудий), находящийся на позициях в районе 31-й дивизии, был подчинен 45-й дивизии. Три стационарных мортиры 34-й дивизии, были также подчинены 45-й дивизии, но из-за недостатка персонала и средств связи они не могли быть использованы; однако их боеприпасы были подвезены и использовались для усиления огня».

Второй день войны – 23 июня: «Ночью части 133-го и 135-го пехотных полков, проникшие в Цитадель, были отведены, согласно приказу, на блокадную позицию. Неприятным при этом было то, что русские тотчас вновь заняли оставленные районы, и далее, что группа немецких солдат (пехотинцы и саперы, сначала, конечно, их число не было известно) осталась блокированной в церкви цитадели (Центральный остров); время от времени с ними существовала радиосвязь. Впрочем, они имели при себе и несколько русских пленных.

С 5.00 ч. по Центральному острову и южному краю Северного острова велась наблюдаемая стрельба на разрушение, состоящая попеременно из тщательного разрушения артиллерийским огнем тяжелых орудий и сильных огневых налетов, во время огня активность русских стрелков на деревьях убавлялась, чтобы в большинстве случаев немедленно снова настойчиво и успешно оживать при приостановлении обстрела; распознавание стрелков, превосходно скрываемых камуфляжной формой, было очень трудно.

Примерно в 9.00 ч. от А.О.К.4 прибыл обещаемый автомобиль пропаганды с динамиком, который должен был разъяснять русским бесполезность их сопротивления и призывать их к сдаче в плен. Несмотря на его действия, дивизия пыталась подчинять проходящие мимо танки,

так как было видно, что только с их помощью была возможна эффективная зачистка островов, избегая бесполезных потерь.

Между тем продолжалась планомерная стрельба на разрушение. К 14.00 ч. к командному пункту дивизии прибыли сначала малая, затем большая автомашины пропаганды с динамиком; после составления соответствующего текста они в соответствии с господствующим направлением ветра были посланы к I.R.135 (Северный остров) и там, после того как в 17.00–17.15 ч. было проведено сильное сосредоточение огня, должны были призывать русских к сдаче в плен, установленный срок сдачи – через 1,5 часа.

В самом деле, по этому призыву, в то время как артиллерийский огонь молчал, внезапно, с 18.30 ч., сдалось примерно 1900 русских; таким образом, возникало впечатление, что воля русских к сопротивлению существенно ослаблена и что при повторении артиллерийского огня и акции пропаганды Цитадель падет без дальнейших потерь. Поэтому вечером агитационный автомобиль посылался еще к LR.133 (Южный остров), чтобы там также призывать к передаче. Однако здесь пропаганда не помогла, так как русские с наступлением темноты предприняли мощные попытки прорыва в направлении города на северо-восток и восток и очень сильный артиллерийский и пехотный заградительный огонь со всех сторон заглушал динамики».

Третий день войны – 24 июня: «После попыток прорыва и оживленного огня русских ночью стало ясно, что сдались лишь несколько не желающих воевать частей русских, а другие части, полные решимости продолжать борьбу, отказывались от какой-либо капитуляции; по высказываниям пленника, это были офицеры и комиссары, они то сами давали письменное обязательство сопротивляться до последнего, то принуждали к выдержке своих солдат, угрозой и запугиванием тем, что немцы расстреляют их в любом случае.

Командир дивизии решил, обеспечивая движение по магистрали и железнодорожному мосту, снова начать артиллерийский огонь, проводимый как медленная стрельба на разрушение попеременно с самыми сильными сосредоточениями огня. Между тем при приостановлении обстрела снова и снова должны были раздаваться призывы к сдаче в плен, чтобы подтачивать русский боевой дух.

Это решение определенно одобрено в беседе командира дивизии с начальником штаба А.О.К.4, передавшего требование командующего не лить бесполезно никакую кровь, необходимо лишь гарантировать движение на танковой магистрали.

Решение продолжать артиллерийский огонь было тяжелым, так как в церкви цитадели еще держались окруженные и при случайной радиосвязи просили о помощи; чтобы уменьшить потери, район вокруг церкви цитадели пришлось оставить свободным от обстрела и отказаться от использования реактивных установок, еще стоящих в боевом положении примерно с 150 метательными снарядами. В течение первой половины дня сдались отдельные русские.

На 11.30–11.45 ч. было предусмотрено новое мощное сосредоточение огня с последующим приостановлением обстрела и призывами к сдаче с использованием динамика. Незадолго до этого с окруженными в церкви цитадели вновь удалась радиосвязь, и стало известно, что там держатся еще минимум 50 солдат, частью раненных и крайне изнуренных. Вследствие этого было быстро принято решение: приказано во время «пропагандистской» отсрочки в 11.45 ч. (в это время артиллерийский огонь должен был стихнуть) сильным налетом штурмового подразделения I.R.133 внезапно прорваться к церкви цитадели, чтобы спасти окруженных.

Используя особенно впечатляющий огневой налет в 11.30–11.45 ч., I.R.133 удалось спасти примерно 50 окруженных и одновременно взять Центральный остров, кроме нескольких зданий; также I.R.135 была взята западная часть Северного острова, позже II/I.R.133 – Южный остров; при этом взято 1250 пленных.

На Центральном острове русские гнезда сопротивления остались в нескольких частях зданий и так называемом Доме офицеров, а в восточной части Северного острова (восточнее дороги с севера на юг) – в основном вал у Северного моста (укрепление 145) и Восточный форт.

При чистке Центрального острова во второй половине дня русские пытались вырваться силами примерно до роты на восток в район мостов магистрали № 1 над Мухавцом, они были уничтожены. Оживленная огневая активность русских из их гнезд сопротивления позволяла ожидать ночью новые попытки прорыва. Поэтому для обеспечения слабого места линии окружения между I.R.135 и III/I.R.133 ночью был вдвинут еще 45-й разведывательный дивизион. В самом деле, ночью русские пехотинцы и танки пытались вырваться, но были отбиты.

Дивизионный командный пункт переносился из Тереспоя в Брест-Литовск».

Четвертый день войны – 25 июня: «С раннего утра продолжалась зачистка гнезд сопротивления, причем командиру I.R.135 для зачистки Северного острова были приданы еще II./I.R.130 и Aufkl. Abt.45 с III./I.R.133. Действие артиллерии стало невозможным из-за узости районов. Пехотные средства из-за силы кладки были бесполезны; действия тяжелых танков или штурмовых орудий были бы успешными, однако их не было. Еще исправный огнемет 81-го саперного батальона не мог приближаться к домам без бронированного огневого прикрытия. Поэтому дивизия пыталась привести в боевую готовность несколько захваченных русских броневых автомобилей, что ожидалось к 26.6. Кроме того, ночью по предложению А.О.К.4 был придан бронепоезд № 28 (3 французских танка Somua), чье использование ожидалось не ранее чем 26.6. Для исключения фланкирования из Дома офицеров на Центральном острове по Северному острову, действовавшего очень неприятно, 81-му саперному батальону с группами подрывников поручили зачистить этот дом и другие районы крепости. С крыши дома были доставлены и подорваны на уровне оконных проемов подрывные заряды; слышали крики и стоны раненных подрывами русских, но они продолжали стрелять. Таким образом, день прошел с постоянными ближними боями и приведением в готовность танков».

Пятый день войны – 26 июня: «На Центральном острове 81-й саперный батальон проводил подготовленный большой подрыв; из дома, боковая стена которого (метровая, из кирпичной кладки) разрушалась, извлекались примерно 450 пленных, которые частично принадлежали к коммунистической школе руководителей. Вместе с тем устранялась фланкировка против Северного острова. Поэтому затем могла проводиться зачистка Северного острова, где как гнездо сопротивления оставался только лишь Восточный форт; к нему нельзя было приблизиться средствами пехоты, так как ведущийся из глубокого рва с многочисленными капонирами и из подковообразного двора превосходный винтовочный и пулеметный огонь сбивал каждого приближающегося.

Оставалось только решение принуждать русского голодом, и прежде всего жаждой, к капитуляции и применять сверх того все средства, ускоряющие его истощение, кроме всего прочего, такие как постоянный беспокоящий огонь тяжелых минометов (чтобы препятствовать его передвижению по рву или двору), обстрел танками в упор, передача призыва выкриком (мегафон) или метание листов в ров с верхней кромки. Французские и русские трофейные танки еще не были готовы к применению».

Шестой день войны – 27 июня: «Благодаря перебежчику из Восточного форта стало известно, что там защищаются примерно 20 офицеров и 370 рядовых с четырехствольным пулеметом, 10 легкими пулеметами, 10 автоматами, 1000 ручных гранат, имеющих достаточно боеприпасов и продовольствия. Воды мало, однако ее добывают из выкопанных дыр. Также в форту находятся женщины и дети. Душа сопротивления – это майор и комиссар, главные силы окруженных принадлежат 393-му зенитному дивизиону (42-я дивизия).

Наконец, к полудню могли быть задействованы французский танк Somua (2 танка бронепоезда № 28 были не готовы к выезду) и русский захваченный танк (второй был исправен только условно из-за частых дефектов мотора); из-за их огня в бойницы и окна русский стал существенно тише, но окончательный успех не был достигнут.

В дальнейшем было восстановлено штурмовое орудие (оставшееся лежать в поврежденном состоянии 22.6 на Северном острове), (частично удаленный замок приведен в исправ-

ность), подготовлен к выезду, приготовлен и поднесен необходимый боезапас. Чистились оставшиеся гнезда сопротивления (отдельные русские, которые снова и снова стреляли из самых невероятных убежищ, таких как мусорные ведра, кучи тряпья и т. д.). Из Восточного форта все еще отстреливались».

Седьмой день войны – 28 июня: «Продолжался обстрел Восточного форта при помощи танка и вполне боееспособного теперь штурмового орудия, но безуспешно. Поэтому командир дивизии распорядился установить связь с летчиками на аэродроме Малашевичи, чтобы выяснить возможность бомбардировок. Результат: бомбы могут бросаться, для этого необходим отвод собственных подразделений за внешний вал и до Западного форта. Отвод проводился во второй половине дня под тщательным огневым прикрытием, чтобы из Восточного форта не смог вырваться русский. К сожалению, приближающаяся глубокая облачность сделала бомбардировку 28.6 невозможной. Тесное блокирование Восточного форта было восстановлено; ночью для освещения Восточного форта использовались русские прожекторы (частью из автомобильных фар).

Русский все еще отвечал на каждое неосторожное сближение.

Введенные в бой в цитадели силы уменьшились, чтобы частично позволить подразделениям необходимый отдых».

Восьмой день войны – 29 июня: «С 8.00 ч. летчики бросали несколько 500-кг бомб, не оказавших никакого действия, как и новый оживленный обстрел Восточного форта при помощи танка и штурмового орудия, хотя кладка была несколько разрушена.

На 30.6 подготавливалось нападение с бензином, нефтью и смазочным материалом, который должен был скатываться в бочках и бутылках во рвы форта и зажигаться ручными гранатами или сигнальными боеприпасами.

Во второй половине дня авиация повторяла бомбардировки 500-кг бомбами. Когда при этом была сброшена и 1800-кг бомба, попавшая в угол стены рва и потрясая своим взрывом также и город Брест, русские уступили: выпустив первоначально женщин с детьми, вечером сдались 389 человек – теперь они получили от своего руководителя, майора, разрешение на сдачу. Они не были ни в коем случае потрясены, выглядели сильными и хорошо накормленными и производили впечатление дисциплинированных. Майор и комиссар не были найдены, они были обязаны застрелиться».

Девятый день войны – 30 июня: «Ранним утром Восточный форт полностью осматривался, было извлечено несколько русских раненых и лежащих перед ним мертвых немецких солдат. Было найдено достаточно боеприпасов. Отдельные непросматриваемые помещения были выжжены. На всем протяжении операции командование всегда могло пользоваться кроме радиосвязи также и проводной связью, которую образцово поддерживал 65-й батальон связи, вопреки многочисленным водным преградам и постоянному вражескому огню».

Далее немецкий генерал подводил итоги, констатируя, что с 22 по 29 июня крепость и город Брест заняты в результате тяжелых боев дивизии. Движение на восток по железной дороге и танковой дороге (так они называли ту нашу дорожную сеть) стало не только возможным, но и надежно прикрытым. И второй итог: крупные силы двух русских дивизий (6-й и 42-й) уничтожены. Только пленными немцы насчитали: 101 офицера и 7122 солдата. Скрупулезно подсчитали они и трофеи:

«а) Оружие:

14 576 винтовок

1327 пулеметов

27 минометов

15 орудий 7,5-см

10 орудий 15-см

5 гаубиц 15-см

3 пехотных орудия
6 зенитных орудий
46 противотанковых орудий
18 прочих орудий
b) Лошади: 780 лошадей
c) Автомобили:

36 танков и гусеничных тракторов, примерно 1500 автомобилей, в большинстве случаев непригодных».

Потери 45-й пехотной дивизии, по ее собственным подсчетам, составили: убитыми и пропавшими без вести – 32 офицера и 421 солдат. Ранеными оказались: 31 офицер и 637 солдат. И все это оправдывалось с немецкой педантичностью, прежде всего сопротивлением противника: «Русские сражались в Брест-Литовске неимоверно выносливо и стойко, показали отличную солдатскую выучку и в большинстве своем проявили заслуживающую уважения готовность сражаться».

«До последней капли крови»

Итак, командир 45-й пехотной дивизии вермахта официально объявил об окончании боевых действий в Брестской крепости 8 июля 1941 года, указав дату 29 июня. Сам майор Гаврилов, по памяти, этот день опишет так: «Рано утром почти вплотную к Северным воротам подъехала немецкая машина с радиорупором. На русском языке нам был предъявлен ультиматум: или капитуляция, или авиация сметет крепость с лица земли... На размышление был дан один час.

На созванное в это время партийное собрание... явились не только коммунисты и комсомолцы, но и все, кто мог, из бойцов. Сообщение мое было кратким:

– Нам обещают, – сказал я, – сохранить жизнь. Перед нами выбор: жизнь в фашистском плену или смерть в бою. Капитулировать – значит изменить Родине. А мы давали присягу сражаться за нее до последней капли крови. Я, майор Гаврилов, коммунист и ваш командир, остаюсь здесь. Пусть свое слово скажут коммунисты...

Каземат, в котором проходило это необычное собрание, наполнился гулом голосов:

– Изменников и трусов среди нас нет!

– Будем драться до конца... <...>

Нам был дан лишь один час, а мы хорошо знали немецкую точность. Рядовой Макаров записывал в протокол фамилии, я, Касаткин и другие члены партии тут же давали рекомендации. В числе тех, кто стал коммунистом: командир роты Терехов, медсестра Абакумова и многие другие, отличившиеся в бою.

Ровно через час, убедившись, что защитники крепости не намерены поднимать белый флаг, фашисты начали новую ожесточенную бомбежку, которая длилась несколько часов. От разрывов крупнокалиберных бомб сотрясалась земля, раскалывались и рушились здания. И хотя наш гарнизон был укрыт в капитальных подземных помещениях, мы понесли большие потери. Едва кончилась бомбежка, как все, кто остался в живых, несмотря на ранения и контузии, вновь оказались на своих местах. Всюду, где было особенно тяжело, появлялись коммунисты, в том числе и те, которые только этим утром вступили в ряды партии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.